

Никитин Иван Саввич

**Стихотворения Ивана
Никитина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Саввич Н.**
Стихотворения Ивана Никитина / Никитин Иван Саввич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 220 с.

ISBN 978-5-519-99647-1

ISBN 978-5-519-99647-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Авторы издаваемых нынѣ стихотвореній принадлежатъ къ тому классу гражданскаго общества, которое необладая изобиліемъ матеріальныхъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе лишено и способовъ умственнаго образованія. Онѣ мѣщанинѣ. — Въ прежнее время, еще не весьма отъ насъ отдаленное, когда занятія литературою исключительно принадлежали привилегированному сословію, этого было бы достаточно, чтобы возбудить въ публикѣ благосклонное участіе къ автору. Любопытно было посмотрѣть, какъ говорятъ стихами тотъ, въ комъ не только не предполагалось присутствія поэтическаго чувства, но даже не вѣрилось въ возможность выражаться приличнымъ образомъ. Это было щастливое время тѣхъ простодушныхъ вѣрованій, отчасти смѣшныхъ, отчасти грустныхъ, кото-

рое неразлучно съ переходнымъ состояніемъ развитія извнѣ привитой гражданственности, когда необходимымъ условіемъ деликатности и глубины чувствъ считались французскіе кафтаны и бѣлыя перчатки. Теперь не то. Теперь поняли, что дарованія, умъ и чувства лежатъ не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ глубинѣ человѣческаго духа; что если образованность, истекающая изъ науки и обусловливаемая богатствомъ матеріальныхъ средствъ, сильно оплодотворяетъ природныя дарованія, то все таки зерно ихъ, подлежащее обработыванію, лежитъ, посѣянное щедрою рукою Создателя, въ нравственной природѣ человѣка, независимо отъ его іерархическаго положенія въ обществѣ, и тѣмъ обильнѣе, чѣмъ болѣе смиренія и любви находится въ душѣ его.

Вслѣдствіе такого различія во взглядахъ перемѣнились и требованія въ отношеніи къ поэту. Сдѣлались болѣе взыскательными; перестали удовлетворяться версификаціею; потребовали внутренняго смысла отъ внѣшней, часто весьма удовлетворительной, формы. Этому много содѣйствовалъ примѣръ Кольцова. Жаловаться ли на эту перемѣну? Конечно нѣтъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать, что современное требованіе сдѣлавшись строже, едва ли стало справедливѣе. Впадаютъ въ другую крайность. При законномъ требованіи самостоятельности, своеобразнаго воззрѣнія на міръ и общество, стали требовать и своеобразнаго изложенія, не менѣе законнаго, если это требованіе ограничивается проявленіемъ индивидуальной личности, и черезъ чуръ взыскательнаго, коль скоро оно переходитъ за эти предѣлы. Но крайней мѣрѣ намъ встрѣчались мнѣнія, что нѣкоторыя пьесы нашего автора, помѣщенныя въ журналахъ, не довольно самобытны и напоминаютъ Пушкина, Лермантова, — поэтовъ, подъ обаяніемъ которыхъ развивается, — будто бы, — его дарованіе.

Посмотримъ же въ какой степени справедливо это обвиненіе.

Всякое дарованіе выражается въ двухъ видахъ: въ формѣ и въ содержаніи. Полная свобода автора въ выборѣ содержанія признана уже съ давняго времени, но выборъ формы еще недавно стѣснялся школярными правилами риторики. Еще не забыты жаркіе споры между романтизмомъ и классициз-

момъ равно къ намъ не прилагаемыми, равно у насъ ложными, которыми, съ голосу западной Европы, наполнялись наши журналы. Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ самобытнѣе дарованіе, тѣмъ своеобразнѣе и форма его произведеній; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы оригинальность формы ежедневно изобрѣталась вновь, — что было бы совершенно невозможнымъ. И дѣйствительно, мы отрѣшились отъ многихъ условныхъ рамокъ, поставленныхъ намъ образцами старинныхъ риторикъ; забыли тѣ классическія имена, которыя крупными буквами выставлялись въ заглавіи стихотвореній прошедшаго вѣка; пренебрегли даже менѣе почтеннымъ названіемъ «баллады», но стихотворенія наши все-таки вылились въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ съ прежними, и носятъ ли они названіе баллады, какъ прежде, или исторической пѣсни, какъ нынѣ, — внѣшняя форма ихъ одна и таже. Различіе въ отдѣлкѣ стиха, зависящей отъ умѣнья автора владѣть языкомъ, и отъ степени его дарованія. Иначе и быть не можетъ, потому что человѣчество, одаренное Создателемъ способностью творчества въ

изобрѣтеніи, и своеобразностію во взглядѣ, всегда ограничено и бѣдно въ средствахъ выраженія, и подобно тому, какъ въ искусствахъ начертательныхъ всѣ средства художника замкнуты въ прямыхъ, кривыхъ и круглыхъ линіяхъ, такъ и въ словесныхъ все сосредоточено въ лексиконѣ. Но въ художествахъ являются геніи, которые увлекаютъ за собою массы. Все подчиняется ихъ вліянію: и посредственность и дарованія самобытныя; съ тою только разницею, что первая стремится къ рабскому подражанію своего образца, а послѣднія пользуются ихъ заслугами, какъ законнымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ имъ предшественниками. — И это замѣчаніе, преимущественно, относится къ формѣ, къ языку въ прозѣ, вообще, и къ отдѣлкѣ и строенію стиха въ поэзіи, въ особенности.

Современною образованностію русскаго языка мы, безъ сомнѣнія, обязаны Карамзину. Это въ такой степени справедливо, что, въ отношеніи стиля, безъ него не было бы ни Пушкина, ни Гоголя. Никому однакоже еще не приходило въ голову обвинять ихъ въ подражаніи этому образцу. Потому что оригина-

нальность автора наиболее проявляется во втором видѣ предложеннаго нами тезиса, — въ содержаніи, или точнѣе, въ своеобразности воззрѣній его на міръ, на окружающее его общество. Въ этомъ одномъ, — и только въ этомъ, читатель вправе требовать оригинальности отъ автора, потому что отсутствіе ея подвергаетъ въ общія мѣста, всегда болѣе или менѣе пошлыя. Благозвучіе, ловкость стиха и т. п., хотя весьма важны для совершенства стихотворнаго произведенія, носоставляютъ уже второстепенныя достоинства автора.

Изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы личность автора отнюдь не отражалась на внѣшней формѣ его произведеній. Если мы допускаемъ, какъ необходимое условіе оригинальности, своеобразность воззрѣній, то должны допустить, какъ необходимое же послѣдствіе этого воззрѣнія, и своеобразность выраженія. Но мы хотимъ сказать только, что степень этой своеобразности не можетъ быть предписана поэту никакими внѣшними требованіями, и что она усвоивается и усиливается по мѣрѣ того, насколько авторъ проникается

своимъ предметомъ, выборъ котораго представленъ вполне его свободной волѣ.

Г. Никитинъ, молодой поэтъ, стихотворенія котораго мы предлагаемъ читателю, только начинаетъ свое литературное поприще. Мы не вправе теперь еще требовать отъ него совокупности достоинствъ, которыя не всегда встрѣчаются и у писателей заслуженныхъ. Конечно никто болѣе его самого не чувствуетъ тѣхъ недостатковъ, которые встрѣчаются въ его стихотвореніяхъ, и принявши на себя ихъ изданіе, мы вовсе не имѣемъ въ виду быть его безусловными панегиристами. Но рѣшившись выдать ихъ въ печать, мы обязаны оправдать, такъ сказать, причины, насъ къ тому побудившія и высказать тѣ убѣжденія, по которымъ мы признаемъ дарованія нашего поэта заслуживающими вниманія соотечественниковъ.

Главное, — помнѣнію нашему, — достоинство г. Никитина заключается въ его описательномъ дарованіи. Посмотрите съ какою жизнію представлены имъ картины и окружающаго его быта и окружающей его природы! Какъ широка, какъ разгульна эта степь, эти

зеленые поля, орошаемые Дономъ, и эти бѣлыя, мѣловыя горы, которыми покрыты берега его! — И какъ просты, какъ тихи, какъ чисты нравы сельскихъ жителей этого края! Поэтъ любить ихъ и любитъся ими. Но изъ сельской жизни, въ которой преимущественно любить жить воображеніе поэта, онъ переходитъ къ жизни вседневной, насущной, жизни его окружающей, составленной изъ нищеты, нужды, мелкихъ плутней, порока, истекающаго не изъ природы человѣка, а изъ его насущнаго положенія, изъ недостатка духовной образованности и изъ постоянной борьбы съ лишеніями. Грустный переходъ! Тѣмъ болѣе грустный, что картины г. Никитина списаны съ натуры съ изумительною вѣрностью. Окруженный этими явленіями дѣйствительной жизни, столкновеніе съ которыми дѣлается для него, по его собственному, обществу положенію, довольно частымъ, поэтъ не можетъ не чувствовать всей томительной грусти, которая возникаетъ въ его душѣ при видѣ этой человѣческой бѣдности. Отсюда другой характеръ его произведеній: эта та глубокая грусть, которая слышна въ его зву-

кахъ. Но въ этой грусти читатель не находитъ слѣдовъ ни байроновскаго отчаянія, ни того чудовищнаго состоянія духа, для котораго на русскомъ языкѣ нѣтъ и названія, и которое у Франгузовъ XIX вѣка сlyветъ подъ именемъ: blasé, ни даже той безнадежной грусти нашихъ стихотворцевъ, которая въ 25 лѣтъ заставляетъ оплакивать утраченную молодость: грусть г. Никитина скорѣе грусть русской пѣсни! И если нашъ поэтъ скорбитъ при видѣ грустныхъ явленій окружающей его современной жизни, если порокъ, насиліе или неправда, — рѣзко ли выражающіеся въ грубомъ состояніи необразованнаго общества или смягченные благовидными формами людей цивилизованныхъ, — исторгаютъ изъ души его глубокіе, тяжкіе стоны, то онъ часто бываетъ грустенъ и безотчетно, какъ мы сказали уже, грустенъ, какъ звуки нашей народной пѣсни. Найдите источникъ этой грусти въ русской мелодіи, вы отгадаете причину ея и въ его душѣ.

Признавая, что грустное направленіе стиховъ и картинъ г. Никитина составляетъ характеристическую ихъ черту, мы должны,

однакоже, сказать, что оно не составляет исключительнаго ихъ условія. Сосредоточивая въ себѣ, какъ поэтъ, всѣ элементы народной жизни, г. Никитинъ бываетъ и веселъ по народному. Въ стихахъ его не рѣдко слышатся звуки удалаго русскаго разгуля. Но это бываетъ тогда, когда онъ или созерцаетъ широкую красоту русской природы, или сознаетъ духовную мощь русскаго человѣка во всей первообразной чистотѣ его.

Указавъ на тѣ достоинства стихотвореній г. Никитина, которыя, по крайней мѣрѣ въ глазахъ издателей, заслужили имъ честь изданія ихъ въ свѣтъ, мы должны однакоже сказать, что вовсе не намѣрены ни оцѣнивать ихъ вполне, ни произносить надъ ними суда: то и другое принадлежитъ читателямъ. Наше дѣло было оправдать цѣль нашего предпріятія и защитить — (если защита нужна) — автора въ преждевременномъ и нѣсколько опрометчивомъ обвиненіи въ подражательности. Не знаемъ успѣли ли мы въ этомъ. Мы сознаемся, — и г. Никитинъ конечно извинить насъ, — мы сознаемся, что великіе образцы нашей поэзіи, конечно не могли не имѣть